

Выводы

1. Сравнительно-исторический метод предполагает точные соответствия между материальными элементами родственных языков, немотивированный характер этих соответствий, невозможность заимствований или легкость их выявления. Эти три условия соблюдаются в фонетике и морфологии, в результате чего сравнительно-исторический метод приложим к данным сферам языка и дает здесь вполне надежные результаты; они не могут быть строго соблюдены в синтаксисе, в результате чего сравнительно-исторический метод в обычной своей форме к исследованию синтаксиса неприменим.

2. Распространение сравнительно-исторической методик, применяемой в фонетике и морфологии, на область синтаксиса и попытки строить выводы генетического порядка, исходя из совпадения отдельных синтаксических явлений в ряде родственных языков, не дают и не могут дать сколько-нибудь надежных результатов.

3. Сопоставление не изолированных синтаксических фактов, а определенных синтаксических тенденций, действующих на протяжении длительного времени в ряде родственных языков, — один из приемов сравнительно-исторического исследования синтаксиса, применяемых А. А. Потебней, — гарантирует от ошибок, связанных с неполным соответствием между сравниваемыми фактами.

4. Выведение синтаксических значений из анализа фонетических морфологических и этимологических данных, — один из приемов сравнительно-исторического исследования синтаксиса, применяемых Б. Дельбрюком, — гарантирует от ошибок, связанных с наличием параллельных инноваций и возможностью заимствований.

5. Комбинированное использование обоих этих приемов дает возможность избежать препятствий, мешающих применению сравнительно-исторического метода в синтаксисе. Наиболее надежные данные в этой области получены при помощи именно такой комбинированной методик.

6. Комбинированная методика применялась языковедами прошлого стихийно, что мешало широкому и эффективному ее использованию. Теоретическая ее разработка и действенное практическое применение — одна из актуальных задач сравнительно-исторического изучения индоевропейской семьи языков.

Г. С. Кнабе

АВТОХТОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, албанский язык, называясь как-то иначе, употреблялся на Балканах в древности и находился в длительном контакте с латинским языком. При этом преобладавшее в прошлом мнение об иллирийской основе албанского языка (в свете имеющихся на сегодня данных кажется мало убедительным. Попрежнему сохраняют силу слова М. В. Сергиевского о том, что «за иллирийское происхождение албанцев может говорить лишь тот факт, что они сейчас находятся на тех местах, где в древности мы знаем иллирийцев»¹). В противоположность этому, многочисленные известные фракийско-албанские параллели² настоятельно говорят о том, что албанский язык представляет собой дальнейшее развитие либо фракийского языка вообще, либо, при значительной его дифференциации, наречия какого-нибудь из фракийских племен или племенных объединений. Наличие у албанского, как и у фракийского, общих характерных особенностей с иллирийским (сюда могут относиться и прототипы современных балканизмов) также не исключено — в этом следовало бы видеть факты как сходства, вызванного длительным взаимодействием этих языков, так и сходства, основанного на более отдаленном родстве³. Все это неоднократно приводило исследователей молдавского и ближайших родственных ему языков к необходимости максимального использования албанского материала. Подробный обзор общих черт балканского языкового союза, а также мнений, возникших в ходе более чем столетней полемики о субстрате балканских языков, дан у К. Сандфелда⁴. Кроме того, анализ балканизмов романских

¹ М. В. Сергиевский, Введение в романское языкознание, М., 1954, стр. 64.

² См.: там же, стр. 62—65; ВЯ, 1955, № 2, стр. 138—143.

³ См. I. Iordan, Dialectele italiene de sud și limba română, «Arhiva», Iași, 1923, № 1, стр. 41.

⁴ К. Sandfeld, Linguistique balkanique. Problèmes et résultats, Paris, 1930, стр. 124—145.

языков дают труды советских, румынских и некоторых других лингвистов¹. При этом и в советской, и в румынской литературе преобладает мнение о крайне незначительной роли долатинского субстрата в развитии румынского и молдавского языков². Возникновение в свое время таких взглядов вполне понятно как реакция на явную переоценку роли субстрата у В. Копитара, Ф. Миклошича, Б. П. Хаждэу и других. Но в настоящее время отрицательное отношение к связи молдавского и родственных ему языков с автохтонными языками Балкан, в том числе с албанским, не может быть оправдано. Существующее положение, при котором элементы долатинского субстрата в молдавском языке в течение ряда лет, как правило, находятся вне поля зрения наших лингвистов, мешает объективному изучению происхождения и развития молдавского языка. Необходимо дальнейшее подробное изучение и истолкование дако-румынско-албанских языковых взаимоотношений.

В связи с этим, кроме неоднократно подробно описанных балканизмов, характерных для разных языков (постпозиция артикля, сужение функций инфинитива и пр.), имеет смысл остановиться на нижеследующих чертах молдавского языка, заметно отличающих его от праязыкового (латинского) типа. При этом нельзя не иметь в виду аналогичных фактов албанского языка, как единственного живого языка, находящегося в непосредственной близости к долатинскому языку Дакии.

*

Прежде всего заслуживают внимания существительные обоюдного рода. Как известно, в результате вытеснения среднего рода в народной латыни некоторые из наиболее распространенных принадлежавших к нему слов, например *lignum*, мн. число *ligna* (молд. *лемн*, мн. число *лемне*; итал. [il] *legno*, мн. число [le] *legna*) «дерево», «дрова» в апенинской и балканской народной латыни стали употребляться в мужском роде в единственном числе и в женском — во множественном. Этому способствовали сходство и контаминация окончаний мужского и среднего рода в единственном числе и, с другой стороны, женского и среднего рода во множественном числе, в частности замена конечного *-a* на *-e*³. В апенинно-балканских языках образование множественного числа существительных пошло по типу латинских *I* и *II* склонений и слов среднего рода *III* склонения; окончание множественного числа (итал. *-i*, *-e*, *-a*; молд. *-ь*, *-e*, *-урь* и т. д.) присоединяется непосредственно к основе слова, замещая собой окончание, по которому определяется род в единственном числе; поэтому род может быть одним и тем же в обоих числах в том случае, если окончание единственного и множественного числа совпадают в роде. Если же, по аналогии с существительными, восходящими к латинскому среднему роду, окончания женского или особого обоюдного рода (типа итал. *-a*) присоединяются к основе существительных, которые в единственном числе принадлежат мужскому роду, то происходит перемена рода в зависимости от числа. (Иначе обстоит дело на западе Романии, за исключением Италии, где множественное число образуется по типу латинских существительных мужского и женского рода *III* склонения и где окончание *-s* присоединяется не к основе слова, а к окончанию рода в единственном числе. Этот показатель рода в неизменной или варьированной форме сохраняется во множественном числе, почему род один и тот же в обоих числах.) Но на Балканах, в отличие от итальянского, категория этих существительных оказалась чрезвычайно многочисленной. Образование множественного числа с переменной рода происходит во многих новых словах, захватывая иногда некоторые корневые производные слова, которые по своему происхождению принадлежат к латинскому мужскому (*масурь* «носы» и др.) или женскому (*ербурь* «травы» и др.) роду.

При этом нельзя упускать из виду, что существительные обоюдного рода широко распространены и в албанском языке; там они охватывают, кроме слов старого фонда (*mal* — «гора»), также и неологизмы: показательна, например, продуктивность суффикса существительных обоюдного рода *-im* (мн. число *-ime*), который образует

¹ См.: В. Ф. Шишмарев, Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР, сб. «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953; М. В. Сергиевский, указ. соч.; A. Rosetti, Istoria limbii române, II, București, 1938; A. Philippide, Originea românilor, vol. II, Iași, 1927; T. Capidan, Raporturile albanoromâne, «Dacoromania», anul 2, Cluj, 1922; S. Pușcariu, Études de linguistique roumaine, Cluj — București, 1937; W. Meyer-Lübke, Rumänisch und Romanisch, «Memoriile secțiunii literare», seria III, t. V, București, 1930—1931; его же, Rumänisch, Romanisch, Albanesisch, «Mitteilungen des Rumänischen Instituts an der Universität Wien», I, Heidelberg, 1914.

² См. Р. Г. Пиотровский, Славянские элементы в румынском языке. (Постпозиция артикля), «Ученые записки [Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена]», т. 93, 1954; сб. «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953.

³ См. W. Meyer-Lübke, Rumänisch und Romanisch, стр. 14.

слова, давно бытующие в языке (*zgjim* «пробуждение», *fillim* «начало»), и неологизмы (*organizim* «организация», *angazhim* «обязательство»). Характерно сходство самих формантов: алб. *-e* и молд. *-e*, *-yp* (из *-yre*). Вполне возможно, что широко распространенное явление перемены рода молдавских существительных в зависимости от числа имеет связь с аналогичным фактом автохтонного языка. Однако влияние одного языка на другой здесь следует допускать только исходя из схождения собственных систем образования множественного числа в каждом из них, благодаря чему могла иметь место контаминация. Сходство же элементов, применяемых для образования множественного числа, в молдавском и албанском языках в некоторых положениях явно. Группы существительных, различающиеся по образованию множественного числа в албанском в прошлом, повидимому, были менее многочисленными, чем теперь. Например, современные типы на *k — q*, *g — gj*, *i — inj*, *ll — j* и пр., как и на *k — qe*, *g — gje*, *ll — je*, по всей вероятности, восходят к двум группам, из которых каждая применяла один формант множественного числа. Увеличение таких групп могло возникнуть в результате ассимиляции звуков основы этим формантом, который впоследствии сам выпал, но результат ассимиляции остался. То же наблюдается в молдавских формах типа *kal — kaj* «лошадь» и пр. — чередования *l — j* и другие возникли под ассимилирующим влиянием форманта *-i*, который сам впоследствии выпал. Не исключена, разумеется, и та возможность, что наличие этой категории слов в обоих языках является результатом совершенно независимого развития каждого из них. Ни в коем случае, понятно, нельзя предполагать просто заимствования флексий. На более точные выводы факты не дают права. Нельзя, однако, не иметь в виду этого глубокого параллелизма между двумя языками.

В связи с этим, вопреки распространенному мнению, следует указать, что в дако-румынском языке нет среднего рода, так как нет ни одного имени, которое изменялось бы по собственным правилам, отличным от правил изменения слов мужского или женского рода¹. Поскольку грамматический род не зависит строго от одушевленности, пола и других признаков обозначаемых предметов и явлений, часть существительных изменяется в разных случаях по разным родам (ср. русск. *путь*) греч. *οχρος* «год» и др. Обычно эти слова мужского рода в единственном числе и женского во множественном; бывает и наоборот (*desaga — desaj* «сума»). Замену выражением *neutru* «среднего рода» во всех отношениях более удачного термина *амби жен* «обоюдного рода» нельзя считать оправданной.

Средний род, имеющий собственные парадигмы в славянских языках, как и в латыни, представляет собой в корне отличное явление. Неизвестно (даже, например, из замечаний А. Росетти², изложение которого обычно отличается убедительностью), каким образом славянский средний род мог содействовать образованию той же *г р а м а т и ч е с к о й* категории в дако-румынском языке.

Оправдывать введение «среднего» рода в грамматику дако-румынского языка желанием дать должную оценку благотворного влияния на него славянских языков — значило бы весьма поверхностно относиться к роли этого влияния. Любые мысли могут выражаться на языках как имеющих несколько родов, так и вообще не имеющих категорий рода.

Между прочим, наличие в албанском слов типа *ujë* «вода», *mish* «мясо» также говорит о разнице между природой среднего и обоюдного родов.

*

Далее, как известно, для указания на суждение или на понятие абстрактного характера молдавский язык предпочитает формы женского рода единственного и множественного числа: *аста* (*аяста, яста*), *ачаста* «это», *ачея* «то», *уна* «что-то», *уна ка аста* «такое», *чечея* «то, что» и пр., а также *аестя, ачестя, ачесте* «это», *моате аестя* «все это», *моате* «все», выражения типа *челе възуте* «виденное», *спусе* «сказанное» и пр. Употребляются в этом случае и некоторые формы мужского рода (*мотул* «все», *мот че...* «все, что...»); но предпочтение, отдаваемое женскому роду, очевидно, и это отличает молдавский язык от романских языков Запада (ср. исп. *esto*, португ. *isto*, франц. *ce*, итал. *questo* и пр. «это»). С мужским же родом связано в западороманских языках образование среднего рода отвлеченных понятий, например, исп. *lo hecho* «сделанное», *lo que sigue* «следующее» и пр.

В связи с этим нельзя не заметить сходного использования женского рода в албанском языке, который также вводит его в формах единственного и множественного числа: *kjo* «это», *ajo* «то», *ato qe...* «то, что...», *të gjithë këto, të gjithë ato* «все (э)то» и т.д.

¹ Увлечение «средним» родом отражено, например, в новой академической «Грамматике румынского языка» (см. «Gramatica limbii române», vol. I, ed. Acad. RPR, 1954, стр. 18, 125 и сл.).

² A. Rosetti, *Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române*, (București, 1954), стр. 31—32 («Genul»).

Показательно употребление женского рода в безличных выражениях типа *ēshtë e naty* «естественно», где подразумевается подлежащее *kjo(a)jo*.

Албанское происхождение формы единственного числа женского рода в этой функции не подлежит сомнению, хотя неизвестно, связано ли это именно с словом *punë*¹, *gjë* «дело», «вещь». В употреблении множественного числа женского рода в молдавском и среднего рода в латинском (*multa* «много», *haec* «это» и др.), с одной стороны², и множественного числа женского рода в албанском, с другой, можно видеть частичное сохранение одной из тех черт структуры латинского языка, которые сохранились именно на востоке Романии благодаря наличию аналогичного приема в автохтонном языке (ср., например, построение *scire Latine, a unti moldoveeniste, di shqip* «знать латинский, молдавский, албанский язык» и др.).

Далее необходимо обратить внимание на беспредложное употребление существительных в роли наречий образа действия, в частности тех, которые сохраняют смысл сравнения. Таковы молдавские выражения *a bate m. p* «сильно избить», *a șede куќ* «сидеть в одиночестве», *a lega бурдуф* (*феделеш, бутук*) «крепко связать», *a мерже струнэ* «быть в полном порядке» и многие другие, где существительное-наречие является составной частью устойчивого словосочетания. Наблюдается, однако, и свободная постановка некоторых наречий-существительных (ср. *гр. мадэ* «вместе», *с. жятэ* «быстро» и др.). Явление того же характера широко распространено в албанском языке. Например: «*Fjalën e merr punëtorja e re Lambrini Llukani:—...Ne duhet t'i rregullojmë vete avarit ne punë, e jo t'a rrijme me duar kryq*» «Слово берет молодая работница Лямбрини Лукани:—...Мы должны сами предотвращать аварии на работе, а не сидеть сложа руки»³. Иногда семантика выражения допускает употребление существительного в членной форме, например, *bie barra* «выпасть на долю», как в отдельных случаях по-молдавски; *фуга* «бегом» и др. В албанском это более возможно, так как существительные, употребляемые в роли наречий времени, ставятся там в косвенных падежах (*ditën* «днем», *verës* «летом» и др.), тогда как в приведенном выше выражении слово *barrë* «груз», как имя, имеет форму именительного падежа. Будучи также в большинстве случаев частью устойчивых словосочетаний, иногда существительные-наречия употребляются свободно, например, *gabim* «ошибка» и «ошибочно».

К. Сандфельд указывает на наличие сходных оборотов в греческом⁴, но происхождение их именно оттуда не более вероятно, чем из албанского, где распространено беспредложное употребление существительных в роли наречий разных типов: *majë kodrës* «на вершине горы», *buzë lumit* «на берегу реки», *marr vesh* «понять» и др.

Полный параллелизм между выражениями *a çине минте, mbaj mënd* «помнить» (как и староритальянским *tenere mente* «помнить»⁵) следует объяснить происшедшим на латинской почве переходом аблатива *mente* «умом, памятью» в наречие с дальнейшим его сохранением именно в этом сочетании.

Характерно употребление удвоенных существительных во множественном числе со значением наречий: *turma-turma*, *togje-togje* и *кырдурь кырдурь* «толпой, гурьбой». Наличие в греческом и итальянском выражений типа *gamba gamba* «пешком»⁶ не показательно как довод против происхождения их в дако-румынском из албанского, где они давно широко распространены.

Замкнутость категории существительных-наречий и устойчивость сочетаний, в которые они входит, указывают на давность наличия этих приемов в обоих рассматриваемых языках.

Особо следует остановиться на структуре числительных (в частности с 11 по 19), отражающей сохранение романизированным населением нероманских оборотов речи. Господствующее в нашей литературе мнение о том, что источник кальки — бесспорно славянский⁷, нельзя считать решающим, хотя и эта возможность, понятно, не исключена, поскольку язык славян также (с VI в.) играл роль субстрата. Указания на *сумэ*

¹ К. Sandfeld, указ. соч., стр. 133.

² Этому способствовали те же условия, в результате которых развивалась категория существительных обоедного рода (см. выше).

³ V. Allajbej, Brigada e Kulturës së lartë, 1951, стр. 46.

⁴ См. К. Sandfeld, указ. соч., стр. 140.

⁵ См. там же, стр. 160.

⁶ См. там же, стр. 162.

⁷ Сб. «Вопросы молдавского языкознания», стр. 157, 158, 217 и др.

«100», которое не является калькой и заимствовано как существительное¹ (ср. алб. *qind*), или на *-zet* как элемент счета двадцатками, которое не первичнее, судя по имеющимся данным, чем *-dhjetë*², с разных точек зрения,—слабые доводы против автохтонного происхождения структуры числительных. Другие факты — форма порядковых числительных (*al... lea, i... të*), древнегреческие диалектизмы типа этолийского *δβο «επί ἑξῆσι «22»³*, или упомянутое Прокопием название *Τρεσέτιτλιούζ⁴* с меньшей убедительностью говорят о противоположном. Кроме того, было бы также излишним видеть что-либо благотворное для данного языка в иноязычных влияниях, происходящих из трудности отказаться от тех наиболее устойчивых прежних навыков говорящих, которые не обогащают данный язык новыми понятиями.

*

Глубокий параллелизм между дако-румынским и албанским языками обусловлен неупотреблением инфинитива, одним из заменителей которого служит распространённая и в соседних языках конъюнктивная конструкция [*молд. сэ...*, алб. *тё...* и её ударный вариант: *ка (...)* *сэ ...*, *гё (...)* *тё...*]. Бесспорна также общность происхождения не-общероманских оборотов с экзистенциальным употреблением глагола долженствования: ср. молд. *Стратула требуя скос* «Прокладку надо было убрать»⁵ и алб. *Shumë njerëz mendonin se ky sektor duhet braktisur* «Многие думали, что на этот участок не стоит обращать внимания»⁶. От этой конструкции в албанском иногда невозможно, ввиду малой изменчивости причастия, отличить оборот типа *Duhet punuar më mirë me, të* «Надо лучше работать с ним»⁷. В молдавском его параллель представляют такие построения, как *требуе (де) цинут сама* «надо иметь в виду», которые используют супин, т. е. образование, состоящее из причастия с предлогом и сохраняющее глагольное управление. В современном молдавском языке заметно упрочивается давно существующая тенденция к превращению супина во вторичный инфинитив (ср. *ый греу де афлат* «трудно узнать»; *Требуе де аштенат?* — *Нумайдекит де аштенат* «Надо подождать?» — *Обязательно подождать?*; *Кум де нус проблема аста?* «Как ставить этот вопрос?» и др.⁸, что имеет место в тоскском (*eshitë vëshitë për të mësuar* «трудно узнать»), не говоря уже о гегском, где причастие с предлогом давно стабилизировалось в этой роли. Данные об употреблении супина в латыни⁹ говорят, что он не мог продолжать развиваться на романской почве. Очевидно, дако-румынский супин представляет собой новообразование, появлению которого способствовал контакт с местным языком Балкан. Замена инфинитива конъюнктивом в позднем древнегреческом¹⁰ не опровергает того факта, что инфинитив издревле отсутствовал в языке-основе албанского, что оказывало влияние на вытеснение его языки. Гегский инфинитив (*ме + причастие*) нельзя считать более древним образованием, чем конъюнктивная конструкция¹¹. Вполне возможно, что ко времени первого контакта с латынью вытеснявшийся ею на Балканах язык ещё не развил инфинитива, которого не было в индоевропейском языке-основе и нет в некоторых других индоевропейских языках¹². В старорумынском языке функции инфинитива были шире, чем в современном, но это никак не опровергает того предположения, что впервые тенденция к его вытеснению получена языком ещё во время романизации.

Некоторые факты, приводимые в доказательство позднего вытеснения инфинитива, явно непоказательны: например, указания на отсутствие конструкции с *să* в истрорумынском, в то время как инфинитив полностью вытеснен в аромунском, ранее отделившемся от дако-румынского (в котором конструкция с *să* также преобладает).

¹ См. там же, стр. 76.

² Ср. аром. *yingit*, франц. *-vingt*.

³ См. К. Sandfeld, указ. соч., стр. 148.

⁴ См. О. Densusianu, Histoire de la langue roumaine, t. I, Paris, 1901 [обл.: 1902], стр. 391.

⁵ Е. Буков, Растут этажи (Креск етажеле), Кишинев, 1952, стр. 188 [на молдав. яз.].

⁶ V. Allajbej, указ. соч., стр. II.

⁷ R. Nepravishita, Në një dorë kazmën, në tjetrën pushkën, Drejtorija e botimeve ushtarake, 1953, стр. 10.

⁸ Примеры взяты из разговорной речи.

⁹ См. А. Эрну, Историческая морфология латинского языка, М., 1950, стр. 269—270.

¹⁰ См. К. Sandfeld, указ. соч., стр. 177; возможно, что этот факт находится в связи с массовой эллинизацией фракийцев в последние века до нашей эры.

¹¹ См. А. Philipride, указ. соч., стр. 607.

¹² См.: О. Гуйер, Введение в историю чешского языка, М., 1953, стр. 31; А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 194; А. Грау, Coup d'oeil sur la linguistique balkanique, «Bull. linguistique», IV, București, 1936, стр. 43.

Неубедительны также распространенные указания на замену инфинитива конъюнктивом в западнороманских языках: это лишь в особых случаях происходит там с субъектным инфинитивом, тогда как в дако-румынском такая замена давно господствует.

Частным случаем предпочтения инфинитиву конъюнктива в дако-румынском (и в других балканских языках) является употребление аналитических форм будущего времени (*o să kynit, am să kynit* «спою»), сходство которых с тоскскими (*do të këndoj* «спою») очевидно. Хотя в разных языках наблюдается тенденция к обновлению форм будущего времени, вполне возможно, что в албанском, в памятниках которого (с XV в.) не найдено синтетических форм этого времени, гегские и тоскские описательные конструкции впервые восполнили их отсутствие, восходящее к праязыковой эпохе¹.

Далее, в рассматриваемых языках имеет место дублирование члена предложения ударной формой личного местоимения, присоединяемой при помощи союза: *Femeille c'au r'pезит ши еле спре жам'* «Женщины тоже бросились к окну»² и «*Shoqja Truja, për, të kenaqur kërkēsën e përseritur të sallës, Këndoi edhe ajo „Kroj i Fshatit tone“ dhe „Fol e mos Folë“, që u pritnë me brohoritje dhe me ugritje shëndetesh për artin popullor të Shqipërisë*» «Товарищ Труя, выполняя повторную просьбу зала, тоже спела „Родник нашего села“ и „Говори и не говори“, которые были встречены овацией и провозглашением тостов за народное искусство Албании»³. Наличие во французском напоминающей этот оборот конструкции («*Les parlers bulgares de la Macédonie sud-occidentale forment eux aussi un plus-que-parfait de cette manière*» «Болгарские говоры юго-западной Македонии тоже образуют давнопрошедшее время таким способом»⁴) не может служить здесь доводом против общности албанского и дако-румынского.

Менее показательно повторное выражение дополнения в рассматриваемых двух языках неударными формами личных местоимений, характерное для романских языков в целом; полный параллелизм им представляют в данном случае иберо-романские языки.

Характерной для синтаксиса обоих рассматриваемых языков является следующая закономерность: в обоих языках в определенных положениях соблюдается строгая зависимость между способом введения определения и наличием или отсутствием непосредственного контакта с определяемым словом в членной форме. Эта зависимость выражается при помощи местоименного (в молдавском) и связующего (в албанском) артиклей. В молдавском определении, выраженное: 1) притяжательным местоимением и 2) склоняемым словом в родительном падеже, может следовать непосредственно только за артикулированным определяемым словом. Чрезвычайно редкие нарушения этого правила, делаемые, например, с целью сохранения стихотворного размера, сразу обращают на себя внимание: *Eu s' fciu a ta st'pnyl, tu st'pnyl — sieciul mele* «Будешь ты моим владыкой, я — твоею госпожою»⁵. В албанском такая зависимость выражается при помощи двух разновидностей связующего артикля, которые предшествуют определению, выраженному: 1) склоняемым словом в родительном падеже (*i shokut* «товарища», *i të cilit* «которого»), 2) прилагательным (*i gjatë* «длинный», *i paralufte* «двоеенный» — если оно не принадлежит к известным исключениям типа *besnik* «верный» и др.), 3) порядковым числительным (*i pestë* «пятый»), 4) некоторыми из притяжательных местоимений (*i tij* «его», *i vet* «свой») и т. д. Единичные вставки, которые не склоняются, как молд. *май* «еще» или алб. *një, disa* (неопределенные артикли) и пр., не отменяют общего правила.

Строгое соблюдение обоими языками этой закономерности, наряду с другими фактами, свидетельствует об издавна существующем между ними параллелизме в развитии разных форм артиклей.

¹ См. А. Эрну, указ. соч., стр. 191.

² А. Козмеску, Рассказы (Повестирь), Кишинев, 1952, стр. 56 [на молдав. яз.].

³ Sh. Musaraj, Njëzet ditë në Bashkimin Sovjetik, Tiranë, 1950, стр. 116.

⁴ K. Sandfeld, указ. соч., стр. 106.

⁵ М. Еминеску, Стихи (Поезий), Кишинев, 1954, стр. 186 [на молдав. яз.] (русск. перевод см. в кн.: М. Эминеску, Стихи, М., 1950, стр. 29).

Далее, следует обратить внимание на имеющее место в обоих языках соединение сходным способом равнозначных элементов основного словарного фонда для образования сложных слов и словосочетаний, которые в свою очередь близки или тождественны по смыслу. Таковы, например, сочетания с элементами *gjith-* и *tom* «весь, всё»: *gjithashtu* и *tom ama* «также», *gjithënië* и *(ын)tomdlyna* «всегда», *me gjithë së* и *ku toame kë* «хотя», *me gjithë këtë*, *me gjithë atë* и *ku toame aestia* «однако» и пр. К. Сандфельд указывает на существование в разных небалканских языках то одного, то другого оборота, полностью аналогичного рассматриваемым здесь (ср. исп. *con todo esto* «однако»)¹. Но тем не менее наличие многочисленных рядов соответствий, типа приведенного выше, не представляется возможным объяснить как результат случайного совпадения в независимом развитии каждого из рассматриваемых языков или поздних заимствований, сделанных ими друг у друга или из каких-то других языков.

Таковы некоторые из многочисленных дако-румынско-албанских параллелей.

Данные памятников старорумынского, а также общие черты дако-, истро-, македоно- и меглено-румынского, отличающие их от других романских языков, говорят, что в первом тысячелетии н. э. общерумынский язык представлял собой значительное отклонение от праязыкового (латинского) типа, обнаруживая в то же время гораздо меньше отличий от типа современного румынского и молдавского языков.

На всем протяжении развития языка, например, от латыни до молдавского языка наших дней, постоянно действовали, разумеется, чисто внутренние факторы. Но этим нельзя оправдывать установившееся в нашей литературе нигилистическое отношение к роли сменного латыни в Дакии языка в истории современных балкано-романских языков. Выражающими преобладающее мнение могут служить в данном случае слова Р. Г. Пиотровского: «Автохтонный (дороманский) элемент оказал ничтожное влияние на румынский, как и, впрочем, на другие балканские языки, — оно ограничивается лишь узким кругом географических названий (Дунай, Муреш, Серет, Прут и некоторые другие)»². Почти ничего не говорят в пользу чисто латинского характера народного романского языка Балкан в VI в. приводимые далее автором два слова солдата-данубита (из которых одно — слово, употребленное в византийской армии римской команды) и названия дакийских и мезийских крепостей (по Прокопию)³.

Доказательства полного усвоения правильной латыни всей массой населения в районе Дакии нет, хотя, разумеется, факт ее усвоения вообще не вызывает никаких сомнений. Вряд ли можно сомневаться, что господствующие классы, как и население главных городов Дакии, романизировались в кратчайшие сроки. В нашей литературе последних лет, как и в трудах большинства румынских лингвистов, это, очевидно, и принято считать романизацией Дакии в полном смысле слова. Тогда, разумеется, дальнейшее взаимодействие латыни с фракийским языком, который, как известно из разных источников, перестал употребляться под таким названием не раньше VI в.⁴, придется относить к так называемому «румыно-албанскому симбиозу», якобы имевшему место после полного завершения романизации, существование которого предполагают исходя из тех же языковых параллелей. О. Денсушану, сам разделяющий точку зрения об иллирийской основе албанского языка, приводит не вызывающие возражений доводы в пользу того, что албанские элементы проникали в балканскую латынь, когда она еще не приобрела признаков самостоятельного романского языка⁵. Кроме того, неизменным условием романизации не являлось обязательное присутствие в стране римской администрации и войск. Усвоение латыни не владевшим ею населением могло проходить и в контакте с прочими ее носителями, в том числе с теми, которые остались к северу от Дуная после 275 (или 271) года. Поэтому вряд ли есть основания говорить о романизации Дакии, т. е. о «римско-фракийском симбиозе», и о предполагаемом румыно-албанском как о разных процессах, проводя при этом резкую грань между албанским того времени и его языком-основой.

Ничего не говорят в данном случае распространенные указания общего характера на само собой разумеющуюся необходимость учитывать прежде всего внутренние факторы развития. Не менее известно другое общее положение, говорящее о том, что мас-

¹ См. К. Sandfeld, указ. соч., стр. 210.

² Р. Г. Пиотровский, указ. соч., стр. 66.

³ См. там же, стр. 68—69.

⁴ См. О. Densusianu, указ. соч., стр. 21.

⁵ См. там же, стр. 294—300.

совая смена языка населением, как правило, оставляет следы во вновь усвоенном языке, хотя сам факт его усвоения (не обязательно полного) не подлежит сомнению. Усвоение нового языка с детства приучаемыми к нему поколениями, разумеется, может быть полным, но для этого необходимы особые условия, отличные от условий усвоения языка вообще. На правильность и чистоту усваиваемого языка отрицательно влияют, например, такие факты: слабость и недолговременность связей данной местности с исконной территорией распространения нового языка; малочисленность природных носителей нового языка в данной местности; контакт населения не с природными носителями усваиваемого языка, а с представителями других народностей, также неполовыми условиями его; сознательное коверканье языка его природными носителями, основанное на распространенной иллюзии о том, что он в таком виде будет якобы понятнее для носителей других языков; отсутствие единой общеобязательной языковой нормы, письменности, грамотности; принадлежность исконных носителей разных языков к разным социальным группам; отсутствие у усваивающих новый язык потребностей уметь говорить в точности так, как говорят его природные носители, и т. д. При таких условиях единственным общепонятным средством общения в данной местности может стать ломаный, искаженный (вплоть до креольско-романского типа), в котором налицо «автохтонизмы» впервые узнавших его поколений и который в дальнейшем развивается и нормируется исходя из собственных потребностей и становится по-своему правильным.

Крайне скептически настроенный по отношению к роли языков «варваров» К. Сандфельд в общем справедливо усматривает в высоком престиже греческой культуры и православной церкви причину многочисленных заимствований из греческого в соседних языках и массовой эллинизации групп негреческого населения Балкан. Но именно последнее обстоятельство создавало широкие возможности для проникновения в греческий язык тех иноязычных оборотов, которые не представляли, употреблялись вначале sporadически, явного нарушения его правил и могли получать на его почве дальнейшее развитие¹. Балканизмы, особенно синтаксические, как правило, не являются обогащающими заимствованиями, источником которых часто бывают высокоразвитые языки. К чему, например, перенимать употребление артикля в связующей функции или перестраивать структуру числительных, если это не подсказывается старым речевым навыком? Богатство, обработанность и официальное употребление латинского и греческого языков нельзя в данном случае считать их большим преимуществом перед менее обработанными языками Балкан. Сам албанский язык — пример того, как на территории, долго подвластной Риму, даже там, где местным языком не был более развитый, чем латынь, греческий, победителем смог выйти длительное время сосуществовавший с латынью язык местного населения.

Не отличаются цели и доводы многие из распространенных попыток доказать чисто внутреннее происхождение романских балканизмов указаниями на наличие сходных фактов в романских языках Запада. Например, встречающиеся в испанском сочетании типа *batallones los de acero* «стальные батальоны» также являются примерами постпозиции артикля, но такие «балканизмы» в западнороманских языках редки и sporadичны, тогда как на Балканах соответствующие случаи давно представляют общее правило². В то же время следует заметить, что некоторые доводы, приводимые в пользу древности румыно-албанских связей, действительно непоказательны: *habere* при переходных глаголах, структура неопределенных местоимений с *-ea* и *-do*, образование будущего времени при помощи глагола со значением «хотеть, любить» и т. д.

Не достигают цели и доводы против автохтонного происхождения балканизмов, строящиеся на материале старых памятников и диалектов балканских языков, особенно болгарского, как засвидетельствованного намного раньше, чем дако-румынский и албанский. Таковы указания на следы инфинитива в болгарском, инфинитив в румынском и другие факты. Хорошо известные нам по памятникам латинский язык, дальнейшее развитие которого представляет молдавский, и старославянский, являющийся литературной формой одного из старых болгарских говоров, вообще не принадлежат, как известно, к «балканским» языкам. Вполне понятно поэтому, что при решительном преобладании романских элементов в румынском и молдавском и славянских в болгарском они иногда как архаизмы или диалектизмы дают себя знать и в тех областях структуры языка, где одержали верх конструкции иноязычного происхождения. Сосуществование, например, в современном молдавском языке инфинитива и сослагательного наклонения, которые в ряде случаев совершенно равнозначны (*ынчеле а лукра* и *ынчеле съ лукрезе* «начинает работать»), может говорить о том, что конкуренция между конструкциями общероманского и балканского типов, начавшаяся в период усвоения ла-

¹ Ср. «балканизм», перенесенный в русский язык из молдавского: *Так вы не хотите, чтобы вы сходили в кино?* (Пример взят из разговорной речи.)

² Естественно, что диалекты севера и особенно юга Италии, распространенные в районах венецкого и мессапского ареалов, обладают спецификой в этом отношении.

тении, продолжается до сих пор, хотя между ними в большинстве случаев произошло распределение функций. Отсутствие балканизмов в памятниках староболгарского языка не доказывает их отсутствия в народной речи соответствующего периода, хотя бы как конкурирующих форм, которые лишь впоследствии получили всеобщее распространение и литературное признание. Автохтонные по происхождению элементы, бытующие долгое время в речи, не фиксируемые памятниками, могут окончательно победить в конкуренции и получить права литературности и через много веков после того, как сам давший их язык вышел из употребления. Это очень важно иметь в виду в тех случаях, когда материалом для наблюдений служат образцы литературной нормы, плохо отражающей черты живой речи, каковыми были памятники греческого и болгарского языков до появления произведений писателей, важнейшая заслуга которых состоит в открытии народному языку доступа в литературу (Ф. Продром, М. Глика, много позже Корнар, Паламас, Психарис и другие в Греции; авторы дамаскинов, Софроний Врачанский, классики XIX в. в Болгарии).

Не следует недооценивать общности получаемых разными языками из одного источника тенденций к развитию аналогичных форм. Сами автохтонные языки Балкан могли оставить лишь навывк сопровождать имя следующим за ним указательным или личным местоимением, которое уже самостоятельно в каждом языке развилось в постпозитивный артикль. Если же выразитель категории определенности настолько слился с именем, что не ощущается как отдельное слово (ср. алб. *thoi* «ноготь», молд. *casa* «дом» и пр.), возможность калькирования для него так же мала, как и для флексии.

Правильным подходом к оценке роли автохтонных элементов в истории молдавского языка нельзя, понятно, оправдывать старые ошибки: метафизическое объяснение наличия разных романских языков только воздействием субстрата или заведомое причисление к следам субстрата любых элементов структуры языка, происхождение которых не выяснено.

Полезно заметить, что в случае открытия при раскопках новых памятников автохтонных языков Балкан при их истолковании может сыграть положительную роль предположение о наличии тех или иных балканизмов в языке данного памятника¹.

Подводя итог, следует признать, что не исключена и та возможность, что начальной стадией эволюции балкано-романских языков явилась чистая, правильная, а не «испорченная» (по известному выражению Энгельса) латынь, но это может быть доказано только связными текстами местной народной романской речи первых веков нашей эры (памятники официального языка мало показательны). Тогда аналогии с албанским, безусловно, нужно было бы относить к результатам «симбиоза», имевшего место после завершения полной романизации — известны положения, когда действительным оказывается то, что представлялось менее вероятным в свете прежних сведений. Но пока таких доказательств нет, в свете уже известных довольно многочисленных фактов, особенно касающихся фракийско-албанских языковых взаимоотношений, нельзя не признавать наиболее вероятным происхождение ряда черт структуры молдавского языка из долатинских языков Балкан.

М. А. Габинский

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Проблема специфики сложноподчиненного предложения является одной из наиболее спорных в научных описательных грамматиках тюркских языков. Еще до лингвистической дискуссии 1950 г. шел спор о природе причастных и деепричастных оборотов. Некоторые языковеды считали, что все без исключения причастные и деепричастные обороты являются придаточными предложениями. Другие, в противовес первому мнению, полагали, что эти обороты являются придаточными предложениями только в том случае, если они имеют свое собственное подлежащее, отличное от подлежащего главного предложения.

См. D. M a s g e a, *Despre originea și structura limbii române*, «Limba română», 1954, № 4, стр. 13. В самое последнее время найдено около тридцати дакийских надписей, выполненных греческими буквами, и две — латинскими. В надписи, найденной летом 1954 г., обращает на себя внимание сходство расшифрованного уже слова *per* «сын» с албанским (и гегским, и тоскским) *bir* «сын», хотя, возможно, это и случайность.